

© 2025. В. И. Мельник

Перервинская духовная семинария
г. Москва, Россия

«Венец любви, венец прощения...»

(сборник «Мечты и звуки» как этап творчества Н. А. Некрасова)

Аннотация: В статье поставлен вопрос о глубинной мировоззренческой связи первого сборника Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» и зрелого творчества поэта. Анализ ранней лирики Некрасова показывает последовательно выдержанную полемику с Е. А. Боратынским и другими русскими романтиками с позиций традиционной религиозности в противовес эстетизации религии. Рассматривается установка поэта на творчество как на «религиозный подвиг», как на средство духовного спасения, обретения «венца любви», возвышения от «мелких страстей» до «великого дела любви». Подчеркивается отсутствие лирического самовыражения в первом сборнике поэта, обилие дидактизма. Автор статьи доказывает, что зрелый Некрасов дал русской поэзии то, что резко выделяет его из ряда других, в том числе и самых великих русских поэтов — неподражаемую пронзительную интонацию духовного надрыва в любви и в праведном гневе. Отмечается связь важнейших поэтических особенностей лирики Некрасова с Евангелием, христианским мировоззрением, которая в должной мере еще не изучена. «Мечты и звуки» были не ошибкой или неудачей Некрасова, а необходимым шагом на пути к поэзии «любви и гнева».

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, «Мечты и звуки», полемика, романтизм, религиозность, святость, этапы творчества, Евангелие, духовное единство.

Информация об авторе: Владимир Иванович Мельник, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, Перервинская духовная семинария, ул. Шоссейная, д. 82 г, 109383 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>
E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 15.12.2024

Дата публикации статьи: 25.03.2025

Для цитирования: Мельник В. И. «Венец любви, венец прощения...» (сборник «Мечты и звуки» как этап творчества Н. А. Некрасова) // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 214–239. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-214-239>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 214–239. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 214–239. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Vladimir I. Melnik

Pererva Theological Seminary
Moscow, Russia

“The Crown of Love, the Crown of Forgiveness...”
(Collection *Dreams and Sounds* as a Stage in N. A. Nekrasov’s Work)

Abstract: The article raises the question of the deep ideological connection between the first collection of N. A. Nekrasov’s poems *Dreams and Sounds* and the poet’s mature works. The analysis of Nekrasov’s early lyrics shows a consistently sustained polemic with E. A. Boratynsky and other Russian romantics from the standpoint of traditional religiosity as opposed to the aestheticization of religion. The article considers the poet’s attitude to creativity as a “religious feat,” as a means of spiritual salvation, finding the “crown of love,” and elevation from “petty passions” to the “great deed of love.” The article emphasizes the absence of lyrical self-expression in the poet’s first collection, and the abundance of didacticism. The author of the article proves that the mature Nekrasov gave Russian poetry something that sharply distinguishes him from others, including the greatest Russian poets, i. e., an inimitable piercing intonation of spiritual anguish in love and righteous anger. The article notes the connection between the most important poetic features of Nekrasov’s lyrics and the Gospel, the Christian worldview, which has not yet been adequately studied. *Dreams and Sounds* were not a mistake or failure of Nekrasov, but a necessary step on the path to the poetry of “love and anger.”

Keywords: N. A. Nekrasov, *Dreams and Sounds*, controversy, romanticism, religiosity, holiness, stages of creativity, the Gospel, spiritual unity.

Information about the author: Vladimir I. Melnik, DSc in Philology, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Pererva Theological Seminary, Shosseynaya St., 82 g, 109383 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Received: September 29, 2024

Approved after reviewing: December 15, 2024

Published: March 25, 2025

For citation: Melnik, V. I. “The Crown of Love, the Crown of Forgiveness...” (Collection *Dreams and Sounds* as a Stage in N. A. Nekrasov’s Work).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 214–239. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-214-239>

Можно с уверенностью утверждать, что масштаб, значение и смысл первого поэтического сборника Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» не поняты исследователями. Главной причиной этого стала двойственная оценка некрасовского творчества В. Г. Белинским. Еще до выхода в свет книги критик выказал уничижительное отношение к стихотворениям Некрасова и поставил его в один ряд с такими малоизвестными поэтами, как «Стромилов, Сушков, Гогниев, Банников, Нахтигаль» и т. п. [Белинский 3: 176]. Когда «Мечты и звуки» были изданы, Белинский не посчитал нужным анализировать сборник или упомянуть отдельные стихотворения. Он отозвался на него пафосным выступлением против эпигонской поэзии, отметив, что в сборнике «не видно положительного художественного дарования, нет поэзии... Стихи решительно не терпят посредственности...» [Белинский 4: 118–119]. Этот несколько размашистый и небрежный отзыв сильно подействовал на Некрасова, который на пять лет замолчал как лирический поэт. Характерно, что в 1845 г., выслушав стихотворение «В дороге», Белинский бросился обнимать Некрасова: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» [Панаев: 286]. Таким образом, Белинский, выразивший совершенно противоположные мнения о «Мечтах и звуках» и о лирике Некрасова после 1845 г., невольно явился источником концепции «двух Некрасовых». Теоретически эту концепцию обосновал в 1897 г. С. А. Венгеров:

«Мечты и звуки» характерны не тем, что являются собранием плохих стихотворений Некрасова и как бы низшей стадией в творчестве его, а тем, что они *никакой стадии* в развитии таланта Некрасова собою не представляют, автор книжки «Мечты и звуки» и Некрасов позднейший — это два полюса, которых нет возможности слить в одном творческом образе [Венгеров].

К тому же сам Некрасов еще в 1849 г. писал: «Некрасов... не помнит не только рецензий на его стихотворения “Мечты и звуки”, но дав-

ным-давно забыл и о самых этих “Мечтах и звуках”; он убежден, что порядочному человеку в летах зрелых смешно вспоминать с гордостью и самодовольствием о своих детских попытках» [Некрасов 1948–1953. 12: 256]. Поместив в «Стихотворениях» (1864) несколько произведений из сборника «Мечты и звуки», Некрасов заметил: «... я печатаю эти вирши не потому, чтобы видел в них какое-нибудь достоинство, а чтобы отбить охоту у гг. библиографов копаться в моих юношеских упражнениях после моей смерти» [Некрасов 1879. 2: 202]. А в 1877 г. в автобиографических записях поэт назвал свои первые опыты «подражательностью бездумной» [Некрасов 1948–1953. 12: 23]. Казалось бы, такие авторские признания лишь подтверждают мнение о разительном и полном несовпадении первой книги Некрасова с последующим творчеством. Однако права Т. С. Царькова: «Эта категорическая самооценка исследователями порой принималась без учета того, что была вынесена уже... большим и взыскательным художником...» [Царькова: 91].

Серьезные критики и исследователи не могли удовлетвориться фрагментарной концепцией «двух Некрасовых». Факт перехода от религиозного (более половины стихотворений в первом некрасовском сборнике были посвящены религиозной проблематике) и чисто романтического Некрасова к социальному и революционному поэту необходимо как-то объяснить, а вместе с тем обнаружить неизбежные смысловые и генетические художественные связи. Первым свои соображения об этих связях высказал в 1902 г. П. Ф. Якубович:

«Мечты и звуки», — если бы это была и действительно вполне бездарная в художественном отношении вещь, — имеют интерес совершенно особого рода: это — первый опыт поэта с могучими поэтическими силами, и крайне любопытно знать, нет ли в этом опыте, хотя бы и в зачаточном виде, элементов того настроения, которое так ярко сказалось в позднейшей некрасовской поэзии. Подходя к вопросу с такой точки зрения, рассматривая «Мечты и звуки» с высоты 62 лет, мы должны признать чересчур суровым приведенный выше отзыв С. А. Венгерова... Позднейшему, знаменитому Некрасову, — кроме плохой формы, — положительно нечего в них стыдиться: по альтруистически-повышенному настроению своему «Мечты и звуки» являются именно подготовительной, «низшей стадией» его творчества, отнюдь не звучащей в нем диссонансом. И нам кажется, что знакомство с этой детской книжкой Некрасова делает, как будто, менее

странным факт «внезапного», как обыкновенно думают, превращения посредственного рассказчика и куплетиста в первостепенного лирика [Якубович: 4–5; 10].

Его поддержал и конкретизировал В. Евгеньев-Максимов, который основывал свое мнение на идее религиозности поэзии Некрасова, высказанной на похоронах поэта профессором церковного права Санкт-Петербургского университета протоиереем М. И. Горчаковым. Напечатанная в кратком пересказе неизвестного человека надгробная речь М. И. Горчакова [Один из бывших на похоронах] привлекла внимание исследователя, но не вполне удовлетворила его. Он обратился к Горчакову с просьбой показать весь текст речи. Часть этого текста он опубликовал в своей книге, сделав вывод о принципиальном единстве сборника «Мечты и звуки» с пафосом всего последующего творчества Некрасова:

...общая характеристика страдальческой поэзии Некрасова и рассмотрение ее отдельных мотивов дают нам право заключить, что религиозность юного автора сборника «Мечты и звуки» сохранилась в позднейшем творчестве Некрасова, подвергнувшись, разумеется, некоторой эволюции. Эта эволюция, заключающаяся, главным образом, в придании религиозным мотивам альтруистического содержания, являлась естественным последствием таковой же эволюции, происшедшей и в идеалистическом мировоззрении автора, уверовавшего в возможность достижения царства Божия на земле и в законность борьбы во имя скорейшего осуществления последнего» [Евгеньев-Максимов 1908: 115–116].

В советское время, по понятным причинам, возобладала точка зрения С. А. Венгерова: Некрасова считали вполне атеистическим поэтом [Покровский; Горячкина; Шамориков]. Наполненный стихотворениями религиозного содержания сборник «Мечты и звуки» воспринимался как робкий ученический и подражательный опыт, не имеющий связи с однозначно трактуемой революционно-демократической направленностью творчества зрелого Некрасова. Б. Я. Бухштаб писал: «“Мечты и звуки” лежат как бы вне творческого пути Некрасова» [Бухштаб: 182]. Вот почему библиография работ, посвященных сборнику «Мечты и звуки» (если не считать кратких упоминаний) в советское время столь

невелика [Шимкевич; Евгеньев-Максимов 1947: 191–220, 242–254; Верховский].

Лишь в последнее время сборник «Мечты и звуки» начал привлекать пристальное, хотя и еще недостаточное внимание исследователей. Появились попытки увидеть в первой книге Некрасова не только ученичество, но и творческий поиск, проблески оригинальности [Вацуро 1973; Березкин; Прозоров; Пайков 1982; Пайков 2000]. Однако первая книга Некрасова все еще не осмыслена как целое, как этап в творческом развитии поэта. Попытка такого осмысления должна быть связана с главным отличительным свойством книги — с доминирующей идейной установкой автора, важной для Некрасова настолько, что он решился нарушить дружеский «запрет» В. А. Жуковского на издание эстетически несовершенных произведений¹ и донести эту установку до читателя. Речь идет о православной вере поэта, которую он сам ощущал как средство полемического, а потому и равноправного вхождения в мир русской поэзии 1830-х гг., причем не только второстепенной. Некрасов хотел вступить в ряды русских поэтов не как робкий ученик, но как возмутитель спокойствия, как автор, которому есть что сказать.

К тому же в сборнике «Мечты и звуки» Некрасов вовсе не беспомощен и с эстетической точки зрения. В каждом стихотворении есть серьезные поэтические находки, выделяющие юного автора на фоне тех второстепенных поэтов 1830-х гг., с которыми столь некорректно сравнил его Белинский. Еще П. А. Плетнев отмечал в рецензии на сборник: «Здесь не только мечты и звуки... но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая в себе почти одни лирические стихотворения, исполнена разнообразия. В каждой пьесе чувствуется создание мыслящего ума или воображения» [Якубович: 2]. Очевидно, что в Некрасове пробуждались молодые поэтические силы и что факт появления в печати большого числа положительных откликов был совсем не случаен. Рецензенты сборника Ф. Менцов, П. А. Плетнев, сотрудник «Северной пчелы», скрывшийся за криптонимом Н. С., и другие не только отмечали незаурядное дарование юного поэта, но и прочили ему завидное будущее [Менцов]. Однако «Мечты и звуки» выделяются в рус-

¹ Жуковский не посоветовал Некрасову публиковать книгу: «Если хотите печатать, то издавайте без имени, впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи» [Некрасов 1981–2000. 13. 2: 46–47].

ской поэзии 1830-х гг. как образец церковной каноничности в подходе к жизненным коллизиям.

При внимательном прочтении этого сборника открывается, что семнадцатилетний поэт не подражает, но, напротив, спорит, соревнуется, стремится к оригинальности мысли и формы. Анализ стихотворений и «авторского поведения» убеждают, что юноша уже ощущает в себе «львиные силы» большого поэта, но пока находится в напряженном поиске самого себя. В этом смысле комментарии к «Мечтам и звукам» в первом томе Полного собрания сочинений поэта не отражают истинных творческих взаимоотношений Некрасова и целого ряда поэтов-современников, начиная с А. С. Пушкина и Е. А. Боратынского. В комментариях В. Э. Вацура ранние стихи Некрасова трактуются исключительно как ученические, а потому эти комментарии посвящены в основном поискам творческих параллелей, переключек и ассоциаций: у кого шестнадцатилетний поэт мог позаимствовать тот или иной образ, ту или иную мысль. В списке «поэтов-доноров» фигурируют многие фамилии, начиная с А. С. Пушкина и кончая А. Тимофеевым.

Однако скорее надо говорить не о «донорах», а о тех поэтах, с которыми Некрасов в «Мечтах и звуках» ведет диалог, а чаще — идейную полемику. Причем основой спора является религиозное восприятие жизни, поскольку он с ревностью неопита обнаруживает в творчестве современных поэтов, особенно из элитных кругов общества, слабость веры, сомнение, а порой и скепсис. Чрезвычайно характерны признания А. И. Кошелева:

Тут господствовала немецкая философия, то есть Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Гёррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких Любомудров. Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед; христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для Любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний» [Кошелев: 51].

Несмотря на то, что романтизм был Некрасову чрезвычайно близок до конца жизни, а особенно в ранний период освоения романтической

эстетики, несмотря на весьма уважительное отношение к таким поэтам, как Боратынский [Успенский], Веневитинов, его отталкивал постоянно проявляющийся в их поэзии религиозный скептицизм и вводящая в духовный самообман замена религии романтической идеологией и эстетикой. К русским «любомудрам» применимы слова В. М. Жирмунского по поводу немецких романтиков: «Размышляя о религии, они, в сущности, забывали о ней или относились к ней эстетически» [Жирмунский: 214]. Против такого «эстетического христианства» и выступил Некрасов. Отталкиваясь от мироощущения романтиков 1820–1830-х гг., тяготевших к религиозному мировосприятию, но одновременно подменивших религию философией в духе Ф. Д. Э. Шлейермахера («Религия – это чувство и вкус к бесконечному») [Шлейермахер: 77], Некрасов с самых первых стихотворений утверждает в своем творчестве традиционную религиозность.

Стихотворения сборника «Мечты и звуки» показывают, что как религиозная личность он формировался под влиянием традиционной православной среды, воспитывался на проповедях провинциального священства, хорошо ориентировался в устном предании церкви, уходящем в народ в виде своеобразного церковного фольклора [Мельник 2021; Мельник 2022 и др.]. Такое каноническое религиозное восприятие жизни сам Некрасов, при отсутствии серьезного жизненного опыта, очевидно, ощущал как свой главный творческий «багаж».

В «Мечтах и звуках» Некрасов разрабатывает поэтические темы и мотивы признанных современных поэтов (прежде всего Пушкина романтического периода, Боратынского), признавая их безусловный литературный авторитет, но при этом и в откровенной полемике с ними, противопоставляя романтическому скепсису и сомнению твердость веры и каноническое церковное отношение к нравственным и духовным проблемам.

Особенно интересовала Некрасова поэзия Боратынского, ему была близка философичность поэта, но чужд его скептический пафос, о котором писал в свое время В. Э. Вацуро:

Его мировоззрение тронуту религиозным скептицизмом, доставшимся ему в наследство от просветителей XVIII в., которых он в свое время усердно читал. В конце 1820-х гг., в эпоху всеобщей ревизии просветительских идей, он переводит Вольтера («Телема и Макар», 1827). В «Вере и неверии»

проблема смерти перерастает в проблему целесообразности мироустройства. Если загробное блаженство не восстановит мирового равновесия, значит создатель не прав и не благ [Вацуро 1981: 388].

Спор с Боратынским развернулся в нескольких стихотворениях сборника «Мечты и звуки». Возможно, наиболее характерно он проявился в стихотворении «Час молитвы». В лаконичном комментарии к этому стихотворению В. Э. Вацуро утверждает, что оно является подражанием стихотворению Боратынского «Песня» [Некрасов 1981–2000. 1: 661]. Уже одно то, что Некрасов начинает стихотворение, буквально копируя первую строку стихотворения Боратынского («Когда взойдет денница золотая») и прибегает к тому же стихотворному размеру, что и Боратынский, наводит на этот простой вывод. На самом деле Некрасов нарочито избирает тот же размер и указывает повторением первой строки адресата своей полемики. У Боратынского в тот час, «когда взойдет денница золотая» и весь мир ликует, приветствуя Творца, в «печальной душе», познавшей обман и страсти, царят «страдание» и «тоска». На этом контрасте, выпадении из гармонии мира, и строится стихотворение «Песня». Некрасов позволяет себе дать Боратынскому простой рецепт возвращения к вере, присоединения к ликующему миру, к людям, и здесь на первое место выходит молитва в храме среди православного народа:

Когда взойдет денница золотая
На небосвод
И, красотой торжественно сияя,
Мрак разнесет,
Когда звонят, к молитве созывая,
И в храм идут,
И в нем стоят, моленье совершая,
И гимн поют, —
Тогда и я, с душою умиленной,
Меж всех стою
И Богу гимн, коленопреклоненный,
Тогда пою.

.....

Пошлю к Творцу усердную молитву,
И — внемля ей,
Он усмирит враждующую битву
Моих страстей...

[Некрасов 1981–2000. 1: 259].

В этом же духе — в определенных сближениях, но чаще в полемике с Боратынским и романтическим религиозным скептицизмом в целом — написан целый ряд стихотворений в «Мечтах и звуках» («Сомнение», «Встреча душ», «Сердцу», «Злой дух», «Истинная мудрость» и др.).

Если стихотворение «Час молитвы» посвящено полемике с Боратынским, то в «Злом духе» Некрасов полемизирует со стихотворением Пушкина романтического периода «Демон».

Лирический герой «Демона» признается, что подпадает под обаяние «улыбки», «чудного взгляда» демона, его «язвительных речей». Общение с демоном вливает «в душу хладный яд». Некрасов полемизирует с Пушкиным — и вкладывает в слово «чудный» противоположный смысл, «чудное» вызывает в нем не восхищение, а отторжение: «Чудны, страшны эти речи». Финал стихотворения показывает, что Некрасов буквально следует советам святых отцов вести «духовную брань» и энергично противостоят искушению.

Свой спор с Боратынским, Пушкиным поэт ведет с позиций религиозного дидактизма, который является одной из главных стилистических особенностей его первого поэтического сборника. Этот дидактизм с особенной силой проявляется в обращении к романтическому поэту в стихотворении «Истинная мудрость». Размер стихотворения, как и в случае со стихотворением «В час молитвы», указывает на адресата дидактических обращений Некрасова: этим же размером написано стихотворение Боратынского «Смерть». Один за другим в стихотворении следуют призывы к поэту-скептику: «отринь губящий дух гордыни», «небесной кары не накличь», «оставь же тщетные усилья», «не греши» и пр. В финальных строках появляется блестящий поэтический «символ веры» Некрасова, обращенный к своему оппоненту:

Мужайся там, где слез пучина,
Люби добро, как мать птенца,

И разлюби родного сына
За отступление от Творца;
Будь бед своих сторонний зритель,
Чужих — чувствительный отец;
Всего великого ревнитель,
Всего ничтожного беглец;
Тип в совершенстве человека
В себе одном осуществи,
Собою тварь, на диво века,
Творца достойную яви.
Вот в этом мудрость, в этом слава,
Твой долг, твой подвиг на земле!

[Некрасов 1981–2000. 1: 210–211].

Второе «крыло» русской поэзии 1830-х гг., которое интересовало Некрасова в «Мечтах и звуках», — это собственно религиозная, близкая ему по духу массовая журнальная поэзия, возглавляемая такими именами, как В. Г. Бенедиктов, А. В. Кольцов, П. Ершов. Помимо них, можно назвать целый ряд третьестепенных поэтов, таких как М. Вознесенский, Ф. Н. Менцов, А. Тимофеев, В. Красов и др. С этими поэтами Некрасов не спорит, а скорее состязается.

При сравнении его стихотворений с произведениями третьестепенных авторов, чьи мотивы он использовал, становится понятно, что его мысль смелее и точнее, а стих — выразительнее. Он не просто риторически развивает религиозную тему, в основе часто лежит ярко выраженное биографическое начало. Может быть, наиболее показательным в этом смысле является стихотворение «Изгнанник».

В Полном собрании сочинений Некрасова сказано, что образный строй стихотворения «Изгнанник» (1839) «традиционен для поэзии 1830-х гг.». В частности, упомянуты такие стихотворения, как «Призвание» А. Тимофеева и «Послание к другу» П. П. Ершова [Некрасов 1981–2000. 1: 648]. Переключки с П. П. Ершовым несомненны, однако Некрасов абсолютно оригинален в главном, его оригинальность во многих стихотворениях сборника основана на христианском решении поднимаемых проблем. В стихотворение «Изгнанник» автором заложены значимые автобиографические и духовные смыслы, хотя встречающиеся штампы романтической поэзии не дают проявиться им с полной

силой. В сравнении с «Изгнанником», стихотворения П. П. Ершова «Послание к другу» и «Признание» А. В. Тимофеева более бедны по содержанию. В «Признании» Некрасова мог привлечь, по сути, только образ человека, рвущегося в небо, но прикованного цепями к земле, а также некоторые выражения, вроде «сын праха». Даже в «Послании к другу» Ершова бледнее выражен духовный план, зато получили развитие мотивы дружбы и любви. Некрасов явно первенствует не только в знании и художественном переложении законов духовной жизни, прописанных в Евангелии и в святоотеческой литературе, но также и в поэтическом мастерстве: структурной организации мысли, образности, меньшей привязанности к романическим штампам. Он даже вводит в стихотворение неологизм: «рука судьбы к земному *пригнела*» (пригнула к земле).

Мысль стихотворения отталкивается от традиционного представления христиан о том, что небесные блага покупаются земными страданиями. В 5-м стихе 125 псалма сказано: «Сеющи слезами радостию пожнут» [Псалтирь: 390]. Пережив драму («...рука судьбы жестоко // Меня к земному пригнела»), юный поэт слышит голос «посланника Провиденья», утешающего его и внушающего, что страдания благотворны, ибо являются средством «благами земными» «купить на небе жизнь». Теперь страдания свои поэт воспринимает как средство духовного спасения:

Я утешительного слова
В изгнаньи жизни не забыл,
Я видел небо без покрова,
Награды горние вкусил;
И что страданья перед ними!
Навек себя им отдаю,
Когда я благами земными
Куплю на небе жизнь мою

[Некрасов 1981–2000. 1: 198].

Следует обратить внимание на два последних стиха. Страдания Некрасов рассматривает в духе св. отцов Церкви — как «благо». Юный поэт употребляет слово «куплю» в чисто церковном духе. Очевид-

но, что Некрасову были известен евангельский сюжет о несправедливом управляющем, который «благами земными» приобрел себе лучшую часть и о котором Христос сказал: «И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством несправедливым, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16: 9). Развернутую трактовку такой «купли» дает, например, преп. Серафим Саровский в известной «Беседе о цели христианской жизни». Серафим напоминает своему собеседнику помещику Н. А. Мотовилову: «Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею — и говорит всем нам: “Купуйте, дондеже прииду, искупающие время, яко дние лукави суть”... Так и вы, батюшка, поступайте... как в торговом деле...» [Мельник 2012: 100, 107].

О страданиях как о средстве спасения много написано святыми отцами. Учение о земных страданиях широко вошло в церковный обиход и проповедническую практику, неудивительно, что юный Некрасов хорошо усвоил мысль о благотворности страданий и будущем воздаянии:

Счастливицу прежде без границы,
Теперь отрадно мне страдать,
Полами жесткой власяницы
Несчастий пот с чела стирать

[Некрасов 1981–2000. 1: 198].

Упоминание «жесткой власяницы» как предмета монашеского обихода и символа добровольного мученичества также говорит о религиозной духовной основе стихотворения «Изгнанник».

Помимо псалма 125, один из мотивов которого структурно организует произведение, можно указать на псалом 6. Некрасов метафорически называет жизнь в страданиях «ложем слез». Образ вызывает ассоциации с 7-м стихом 6-го псалма: «Утрудихся воздыханием моим измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу» [Псалтирь: 14]. В стихотворении много говорится о слезах, будущее блаженство обеспечивается этими слезами, Некрасов помнит слова из Горней проповеди: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5: 4).

Земную жизнь религиозно настроенный юный поэт называет не только местом страданий: в «Изгнаннике», как и во многих иных

стихотворениях сборника «Мечты и звуки», присутствует мотив духовной брани со своими страстями:

Наш мир — он место дикой брани,
Где каждый бьется *сам с собой*:
Кто — веры сын — с крестом во длани,
Кто в сердце с адскою мечтой
[Некрасов 1981–2000. 1: 198].

Поэт также ведет духовную брань со своими страстями и, как ему кажется, борется успешно, преодолевая эти страсти своей готовностью к страданию и смерти:

Перегорел мой дух в горниле
Земных желаний и страстей.
... я к страданиям приучился,
Всегда готовый встретить смерть,
Не жить здесь в мире я родился,
Нет, я родился умереть...
[Некрасов 1981–2000. 1: 198].

Последние две строки вовсе не говорят о желании юного Некрасова вызвать к себе сострадание и жалость. Скорее, это излишне прямолинейное выражение святоотеческой мысли о противопоставленности земного и небесного, о неприятии всего, что в мире, о смерти как освобождении. Мотив смерти разнообразно, но всегда по-христиански оптимистично представлен в «Мечтах и звуках». Характерно, что это один из центральных мотивов и всей поэзии Некрасова. Смерть для него (особенно в лирических, автобиографических стихотворениях) всегда переход в небесное отечество, «венец делу». Во вступлении к поэме «Мороз, Красный нос» он спокойно констатирует: «А теперь мне пора умирать» [Некрасов 1981–2000. 4: 77]. В той же поэме он пишет о замерзшей Дарье: «Жалеть мы не будем о ней» [Некрасов 1981–2000. 4: 108]. Такое же спокойное отношение к смерти Прокла выражает юродивый Пахом: «Вздыхнул и сказал “Не беда!”...» [Некрасов 1981–2000. 4: 84]. Смерть даже эстетизирована. Дарья думает об умершей юной схимонахине:

В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер, словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей
[Некрасов 1981–2000. 4: 101].

Так же красиво, сложив на груди натруженные руки лежит под образами Прокл:

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...
[Некрасов 1981–2000. 4: 85].

Особенно важна для Некрасова смерть «за други своя»: это лучшее средство достижения святости. В стихотворении «Рыцарь на час» он пишет:

Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билося,
Что умел он любить...
[Некрасов 1981–2000. 2: 139].

Сожаление о своей возможной ранней смерти присутствует в «Последних элегиях», написанных Некрасовым в середине 1850-х гг. Но это сожаление особого рода: оно связано с тем, что рушится главная «мечта» Некрасова, оформившаяся в сборнике «Мечты и звуки» — достижение святости через творчество.

... А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!
[Некрасов 1981–2000. 1: 166].

Очевидно, что жизненное целеполагание Некрасова с самого начала его творчества было связано с романтическим культом поэта, который он, может быть, и заимствовал у поэтов-романтиков, но который для него спроецирован на реальную религиозную мировоззренческую основу, где главное — бессмертие, а значит и святость, не в условно-эстетическом, а в буквальном смысле.

И здесь следует вернуться к названию стихотворения. Почему юноша Некрасов ощущает себя «изгнанником»? В названии стихотворения соединяются метафизический и биографический смыслы изгнания: фактическое изгнание из родного дома и добровольный уход от радостей земной жизни к страданию ради жизни небесной, святой — святость эта является результатом творчества. В «Мечтах и звуках» дана лишь принципиальная постановка проблемы «святости поэта», сам же характер этого «святого творчества» не определен. Вероятно, Некрасов, видевший с детства картины народного страдания, уже смутно представлял себе роль «народного заступника», своего рода продолжателя дела его милосердной матери, которая «...за врагов, умирая, молилася, / На детей милость Бога звала» («Рыцарь на час») [Некрасов 1981–2000. 2: 137].

Биографическая основа «Изгнанника» указывает на известные эпизоды жизненной драмы Некрасова в эти годы. Очевидно, что стихотворение написано уже в Петербурге и что житейская основа стихотворения — отказ отца, Алексея Сергеевича Некрасова, материально поддерживать сына из-за его выбора: поступать в университет, а не в кадетский корпус. Со слов поэта об этом рассказал Н. Г. Чернышевский:

Мать хотела, чтоб он был образованным человеком, и говорила ему, что он должен поступить в университет, потому что образованность приобретает в университете, а не в специальных школах. Но отец не хотел и слышать об этом; он соглашался отпустить Некрасова не иначе, как только для поступления в кадетский корпус. Спорить было бесполезно, мать замолчала... Но он ехал с намерением поступить не в кадетский корпус, а в университет... [Чернышевский 1: 742–743].

Университет должен был помочь выполнить главную жизненную задачу — стать большим поэтом. В стихотворении не просто повествуется о сложностях обстоятельств: Некрасов решает важнейший

жизненный вопрос, ибо в поэзии он видит не только некое жизненное занятие, но возможность спасения души, о чем он много пишет как в «Мечтах и звуках», так и позднее. Центральную роль во всей этой истории играет творчество как первопричина «страданий» и как радость, делающая страдания благодатными, открывающими небесный смысл жизни и путь к спасению. Стихотворение показывает, что Некрасов говорит не о горестных жизненных обстоятельствах, в которые он попал, а о героической готовности эти обстоятельства принять ради главной цели жизни — поэзии, творчества и, в конечном итоге, спасения души. Основой конфликта с суровой реальностью (с отцом) автор считает свой творческий дар («Вскипело сердце дивным даром»), ради которого он готов страдать.

То, что для Веневитинова или Боратынского — любимых, судя по всему, авторов Некрасова этого времени — было в значительной степени условной поэтической формулой (поэзия как проявление религии), для Некрасова, стоящего на платформе традиционного православия, являлось буквальным и главным духовным вопросом. В сознании Некрасова «изгнание» стало «великим искушением», которое он должен был выдержать. Юноша мог бы переменить свою участь, согласиться с отцом и поступить в военное училище, но он, испытывая немислимую нужду и тяжелые обстоятельства, не поступился своей мечтой. Стихотворение повествует о евангельски понятом духовном подвиге: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5: 10–12).

До конфликта с суровой реальностью герой уже познал блаженство поэтического творчества, которое автор приравнивает к жизни религиозно-духовной и говорит, что он в творчестве «больше дух, чем человек»:

Еще младенцу в колыбели
Мечты мне тихо песни пели...
Заклокотал огонь в груди,
И дух, согретый чистым жаром,
Преград не ведал на пути...
Я, горним дышащий эфиром,
Был больше дух, чем человек...

[Некрасов 1981–2000. 1: 196].

Биографические данные о детстве и гимназической юности Некрасова достаточно скудны, и уж тем более нет сведений о том, как готовилась в юношеские годы еще в Ярославле первая книга Некрасова. Этот творческий период освещается кратко и общо: предполагается, что это были «многие годы скрытого детского и юношеского труда» над стихами [Скатов: 42]. Важнее прислушиваться к самому Некрасову, но трудно точно расшифровать смысл слов о том, что ему уже были ведомы небесные восторги поэзии: насколько сознательно Некрасов уже в юности решил для себя вопрос не только о романтической «высокости» поэзии, но и о ее связи с «небесными венцами» — как это со всей ясностью выражено в предсмертном стихотворении «Баюшки-баю», где главной героиней является его мать, которой придан облик святости.

Мать поэта, Елена Андреевна Закревская (1803–1841), была женщиной глубоко религиозной, смиренной и в то же время культурной [Евгеньев-Максимов 1946: 8]. Ее влияние на Некрасова, на его понимание поэзии как духовного дела первостепенно. Некрасов постоянно возвращается к образу матери и видит в ней свою духовную путеводительницу. Косвенным свидетельством этого являются слова Ф. М. Достоевского, вспоминавшего рассказ Некрасова о своем детстве:

Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери — и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то уж, конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившем его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю...» [Достоевский 26: 111–112].

И уже совсем прямо говорит Некрасов о своей матери как об открывающей ему дорогу в рай в предсмертном стихотворении «Баюшки-баю»:

Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!
Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона
.....
Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...

[Некрасов 1981–2000. 3: 203–204].

Н. Н. Скатов верно почувствовал буквальное «обожествление» Некрасовым своей матери:

Мать! У Некрасова это действительно такое «все», что свело к себе личное и народное, национальное и всемирное, человеческое и Божеское... в одном из последних уже почти предсмертных стихотворений «Баюшки-баю» само обращение к матери оказывается чуть ли не обращением к матери Божьей [Скатов: 27–28].

Судя по стихотворению «Баюшки-баю» (1877), вера Елены Андреевны была окрашена в романтические тона. Она поощряла в маленьком Николае писание стихов, но при этом привила ему мысль, ставшую для него навсегда путеводной звездой: творчество есть духовный подвиг, если поэт служит Богу и людям, оно заслуживает «венца».

К образу «венца» как символу святости Некрасов возвращается не раз. Им он начинал свой творческий путь, им и закончил. Впервые этот образ появляется как раз в «Мечтах и звуках», где он получает серьез-

ное развитие в стихотворении «Поэзия». В этом произведении поэзия поднята едва ли не на религиозную высоту («дух»)¹. Образ «венца любви, венца прощенья» в стихотворении 1877 г. подводит итог надеждам Некрасова и открывает нам, что творчество поэта едино от начала и до конца, что сам он рассматривал его как путь личного спасения.

Хотя творчество Некрасова вырастает из одного духовного корня, пять лет поэтического молчания обозначили серьезную эволюцию не только в плане поэтической эстетики, но и в плане духовного развития Некрасова. Поэт больше не касался вопросов религиозной догматики, не акцентировал религиозную тематику, вопросы своей духовной жизни. Он научился исповедовать в своих стихах евангельское отношение к жизни: любовь, милосердие, покаяние, восхищение духовным преображением человека. Некрасов приобрел то, что поставило его в один ряд с великими русскими поэтами и придало его поэзии неповторимость. Он скорбел с угнетенными, возвел в перл поэзии милосердие к ним.

Пережив серьезные жизненные испытания и много размышляя о страданиях простых людей, обратившись к своим детским впечатлениям о хорошо ему известной крестьянской жизни и приобретая новые,

¹ Правда, образ венца в стихотворении требует разговора о вероятном текстологическом промахе при подготовке издания. Хорошо чувствующавший поэзию Некрасова П. Ф. Якубович писал о вмешательстве цензуры, которое исказило смысл некрасовских строк. В стихотворении Поэзия говорит о себе:

Я владею чудным даром,
Много власти у меня
.....
Возложу венец лавровый
На достойного жреца
Или вмиг запру в оковы
Поносителя венца.

П. Ф. Якубович пишет: «Не надо обладать особенной проницательностью, чтобы догадаться, что последний стих в первоначальном тексте читался, по всей вероятности: “Я носителя венца” и что печатной своей нелепостью он обязан мнительности цензора Фрейганга, которому всякий “венец” (хотя бы то был венец Нерона!) казался чем-то неприкосновенным» [Якубович: 5–6]. К сожалению, смысловая нелепость проникла в академическое издание.

Некрасов за пятилетний период молчания пришел к мысли, что вера проявляется не только в дидактических стихах о борьбе плоти и духа, что святость приобретает не только личной аскезой, что евангельская любовь к людям, желание послужить им важнее, чем каноничность религиозного мышления.

В сборнике «Мечты и звуки» были заложены духовные основы творчества поэта. В дальнейшем он лишь углублял свое религиозное понимание жизни. Эта сторона его творчества почти не изучена, однако является, по существу, определяющей [Мельник 2001а; Мельник 2001б; Мельник 2007]. Парадоксальность представления о «двух Некрасовых» побудила некоторых исследователей искать общность ранней и зрелой поэзии Некрасова в отдельных элементах поэтики его произведений [Прозоров; Пайков]. Однако главное, что позволяет осмыслить сборник «Мечты и звуки» как закономерный этап развития Некрасова, без которого нельзя уяснить единство и глубинный характер его творчества, — это его православное миропонимание. В первом сборнике оно выражено в значительной степени декларативно, «теоретически», в постоянном соприкосновении и противоборстве с другими поэтами-современниками. Пять лет молчания и возмужания души потребовались Некрасову для освобождения от религиозной схоластики и выхода к новому пониманию миссии религиозного поэта. Уже в середине 1840-х гг. он осознал эту миссию не как декларацию веры, но как сострадание «малым сим» (Мф. 18: 6), угнетенным и незащитным.

Список литературы

Источники

- Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1953–1959.
- Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1988.
- Кошелев А. И.* Записки Александра Ивановича Кошелева. Berlin: [Б. и.], 1884. 516 с.
- Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: в 3 т. СПб.: Наука, 2006. Т. I. 581 с.
- Менцов Н. Ф.* Обзорение русских газет и журналов за первые три месяца 1839 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 7. Отд. VI. С. 79–80.
- Некрасов Н. А.* Стихотворения. СПб.: Изд. книгопродавца С. В. Звонарева, 1879. Ч. I–IV.
- Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: Худож. лит., 1948–1953.
- Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
- Один из бывших на похоронах. Письмо к издателю (Речь о Горчакова) // На память о Николае Алексеевиче Некрасове. СПб.: В тип. Ф. С. Сущинского, 1878. С. 143–147.
- Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 448 с.
- Псалтирь. М.: Лепта, 2013. 448 с.
- Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 1. 870 с.
- Якубович (Гриневиц) П. Ф.* Муза мести и печали. (1877–1902 г.) // Русское богатство. 1902. № 11. С. 1–44.

Исследования

Березкин А. М. «Прелестная Зама» и ее «милый» (литературный источник некрасовского стихотворения «Песня Замы») // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2008. Т. XIV. С. 246–250.

Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1989. 354 с.

Вацуро В. Э. К литературной истории стихотворения Некрасова «Землетрясение» // Некрасовский сборник. Л.: Наука, 1973. Т. V. С. 276–280.

Вацуро В. Э. Е. А. Баратынский // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 380–392.

Венгеров С. А. Некрасов // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1897. Т. XX. С. 858.

Верховский Г. П. С чего начинается некрасоведение... // О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1975. Вып. IV. С. 145–198.

Горячкина М. С. «Я верую в народ»: к 85-летию со дня смерти Н. А. Некрасова // Наука и религия. 1963. № 1. С. 87–89.

Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Некрасова. М.; Л.: Гослитиздат, 1947. Т. 1. 416 с.

Евгеньев-Максимов В. Е. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1908. Вып. 1. 218 с.

Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов. Л.: Молодая гвардия, 1946. 168 с.

Жирмунский В. М. Религиозное отречение в истории романтизма. М.: Изд-во С. И. Сахарова, 1919. Ч. 1. 296 с.

Мельник В. И. Типология житийных сюжетов у Н. А. Некрасова (к постановке вопроса) // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2001а. Т. XIII. С. 59–65.

Мельник В. И. «Кому на Руси жить хорошо»: проблема христианского сознания в поэме // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2001б. Т. XIII. С. 126–134.

Мельник В. И. Поэзия Н. А. Некрасова в свете христианского идеала. М.: Даръ, 2007. 112 с.

Мельник В. И. Николай Мотовилов. Под кровом преподобного Серафима. М.: МБЦ преп. Серафима Саровского, 2012. 608 с.

Мельник В. И. Средневековый сюжет спора души с телом в стихотворении Н. А. Некрасова «Разговор» // Язык и текст. 2021. Т. 8. № 4. С. 25–35. <https://doi.org/10.17759/langt.2021080404>

Мельник В. И. Аграф «В чем застану, в том и сужу» у В. Шекспира и Н. А. Некрасова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 134–148. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.10482>

Пайков Н. Н. О поэтической эволюции раннего Некрасова (1838–1840 гг.) // Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX – начала XX веков. Ярославль: ЯГПИ, 1982. Вып. 64. С. 3–23.

Пайков Н. Н. Поэтическая эволюция раннего Некрасова в первой книге его стихов «Мечты и звуки» (1840) // *Пайков Н. Н.* Феномен Некрасова: Избранные статьи о личности и творчестве поэта. Ярославль: ЯГПУ, 2000. С. 21–39.

Русская литература XVIII–XIX столетий
В. И. Мельник. «Венец любви, венец прощения...»
(сборник «Мечты и звуки» как этап творчества Н. А. Некрасова)

Покровский Г. А. Поэт Некрасов и религия. М.: Атеист, 1929. 56 с.

Прозоров Ю. М. Классика. Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 170–179.

Скатов Н. Н. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 2004. 428 с.

Успенский П. Ф. Некрасов и Боратынский: вокруг рецензии на «Дамский альбом», новых взглядов на брак и двух любовных стихотворений // *Slavica Revalensia*. 2016. Т. 3. С. 48–69.

Царькова Т. С. О литературной жизни ранних произведений Н. А. Некрасова // *Русская литература*. 1977. № 3. С. 89–101.

Шлейермахер Ф. Д. Э. Речи о религии. Монологи. СПб.: Алетейя, 1994. 432 с.

Шамориков И. В. Антирелигиозные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова // *Русская литература в борьбе с религией*. М.: АН СССР, 1963. С. 124–136.

References

- Berezkin, A. M. “‘Prelestnaia Zama’ i ee ‘milyi’ (literaturnyi istochnik nekrasovskogo stikhotvoreniia ‘Pesnia Zamy’)” [“‘Charming Zama’ and Her ‘Darling’ (Literary Source of Nekrasov’s Poem ‘Zama’s Song’)”]. *Nekrasovskii sbornik*, vol. 14. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 246–250. (In Russ.)
- Bukhshtab, B. Ia. N. A. *Nekrasov. Problemy tvorchestva* [N. A. Nekrasov. *Problems of Creative Work*]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1989. 354 p. (In Russ.)
- Vatsuro, V. E. “K literaturnoi istorii stikhotvoreniia Nekrasova ‘Zemletriasenie’.” [“On the Literary History of Nekrasov’s Poem ‘Earthquake.’”] *Nekrasovskii sbornik* [*Nekrasov Collection*], vol. 5. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 276–280. (In Russ.)
- Vatsuro, V. E. “E. A. Baratynskii” [“E. A. Baratynsky”]. *Istoriia russkoi literatury: v 4 t.* [*History of Russian Literature: in 4 vols.*], vol. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 380–392. (In Russ.)
- Vengerov, S. A. “Nekrasov” [“Nekrasov”]. *Entsiklopedicheskii slovar’* [*Encyclopedic Dictionary*], vol. 20, St. Petersburg, F. A. Brokgauz and I. A. Efron Publ., 1897, p. 858. (In Russ.)
- Verkhovskii, G. P. “S chego nachinaetsia nekrasovedenie...” [“Where Does Nekrasov Studies Begin...”]. *O Nekrasove. Stat’i i materialy* [*About Nekrasov. Articles and Materials*], issue IV. Yaroslavl, Verkhne-Volzhs кое knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1975, pp. 145–198. (In Russ.)
- Goriachkina, M. S. “‘Ja veruiu v narod’: k 85-letiiu so dnia smerti N. A. Nekrasova” [“‘I Believe in the People’: On the 85th Anniversary of N. A. Nekrasov’s Death”]. *Nauka i religiia*, no. 1, 1963, pp. 87–89. (In Russ.)
- Evgenèv-Maksimov, V. E. *Zhizn’ i deiatel’nost’ Nekrasova* [*Life and Work of Nekrasov*], vol. 1. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1947. 416 p. (In Russ.)
- Evgenèv-Maksimov, V. E. *Literaturnye debiuty N. A. Nekrasova* [*Literary Debuts of N. A. Nekrasov*], issue 1. St. Petersburg, Tipolitografiia “Energiia” Publ., 1908. 218 p. (In Russ.)
- Evgenèv-Maksimov, V. E. *Nekrasov* [*Nekrasov*]. Leningrad, Molodaia gvardiia Publ., 1946. 168 p. (In Russ.)
- Zhirmundskii, V. M. *Religioznoe otrechenie v istorii romantizma* [*Religious Renunciation in the History of Romanticism*], part 1. Moscow, S. I. Sakharov Publ., 1919. 296 p. (In Russ.)
- Meľnik, V. I. “Tipologiiia zhitiinykh siuzhetov u N. A. Nekrasova (k postanovke voprosa)” [“Typology of Hagiographic Plots in N. A. Nekrasov (Towards Posing the Question)”]. *Nekrasovskii sbornik* [*Nekrasov Collection*], vol. 13. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001a, pp. 59–65. (In Russ.)
- Meľnik, V. I. “Komu na Rusi zhit’ khorosho’: problema khristianskogo soznaniia v poeme” [“Who Lives Well in Rus’: The Issue of Christian Consciousness in the Poem”]. *Nekrasovskii sbornik* [*Nekrasov Collection*], vol. 13. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001b, pp. 126–134. (In Russ.)
- Meľnik, V. I. *Poeziia N. A. Nekrasova v svete khristianskogo ideala* [N. A. Nekrasov’s *Poetry in Light of the Christian Ideal*]. Moscow, Dar” Publ., 2007. 112 p. (In Russ.)

Meľnik, V. I. *Nikolai Motovilov. Pod krovom prepodobnogo Serafima* [Nikolai Motovilov. *Under the Roof of St. Seraphim*]. Moscow, MBTs prep. Serafima Sarovskogo Publ., 2012. 608 p. (In Russ.)

Meľnik, V. I. “Srednevekovyi suzhet spora dushi s telom v stikhotvorenii N. A. Nekrasova ‘Razgovor.’” [“The Medieval Plot of the Dispute Between the Soul and the Body in N. A. Nekrasov’s Poem ‘Conversation.’”] *Iazyk i tekst*, vol. 8, no. 4, 2021, pp. 25–35. <https://doi.org/10.17759/langt.2021080404> (In Russ.)

Meľnik, V. I. “Agrafa ‘V chem zastanu, v tom i suzhu’ u V. Shekspira i N. A. Nekrasova” [“The Agrafon ‘In What I Find, in That I Judge’ in W. Shakespeare and Early N. A. Nekrasov”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 20, no. 1, 2022, pp. 134–148. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.10482> (In Russ.)

Paikov, N. N. “O poeticheskoi evoliutsii rannego Nekrasova (1838–1840 gg.)” [“On the Poetic Evolution of Early Nekrasov (1838–1840)”]. *N. A. Nekrasov i russkaia literatura vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov* [N. A. Nekrasov and Russian Literature of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries], issue 64. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 1982, pp. 3–23. (In Russ.)

Paikov, N. N. “Poeticheskaia evoliutsiia rannego Nekrasova v pervoi knige ego stikhov ‘Mechty i zvuki’ (1840)” [“Poetic Evolution of Early Nekrasov in the First Book of His Poems ‘Dreams and Sounds’ (1840)”]. Paikov, N. N. *Fenomen Nekrasova: Izbrannye stat’i o lichnosti i tvorchestve poeta* [Phenomenon of Nekrasov: Selected Articles on the Personality and Work of the Poet]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2000, pp. 21–39. (In Russ.)

Pokrovskii, G. A. *Poet Nekrasov i religiia* [Nekrasov the Poet and Religion]. Moscow, Ateist Publ., 1929. 56 p. (In Russ.)

Prozorov, Iu. M. *Klassika. Issledovaniia i ocherki po istorii russkoi literatury i filologicheskoi nauki* [Classics. Research and Essays on the History of Russian Literature and Philological Science]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2013, pp. 170–179. (In Russ.)

Skatov, N. N. *Nekrasov* [Nekrasov]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 428 p. (In Russ.)

Uspenskii, P. F. “Nekrasov i Boratynskii: vokrug retsenzii na ‘Damskii al’bom’, novykh vzgliadov na brak i dvukh liubovnykh stikhotvorenii” [“Nekrasov and Boratynsky: Around the Review of ‘Ladies’ Album,’ New Views on Marriage and Two Love Poems”]. *Slavica Revalensia*, vol. 3, 2016, pp. 48–69. (In Russ.)

Tsar’kova, T. S. “O literaturnoi zhizni rannikh proizvedenii N. A. Nekrasova” [“On the Literary Life of the Early Works of N. A. Nekrasov”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1977, pp. 89–101. (In Russ.)

Shleiermakher, F. D. E. *Rechi o religii. Monologi* [Speeches on Religion. Monologues]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1994. 432 p. (In Russ.)

Shamorikov, I. V. “Antireligioznye motivy v poezii N. A. Nekrasova” [“Anti-Religious Motifs in the Poetry of N. A. Nekrasov”]. *Russkaia literatura v bor’be s religiei* [Russian Literature in the Fight Against Religion]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1963, pp. 124–136. (In Russ.)